

9. A. Samojloff. Die Rigidität und Plastizität der Muskeln des decerebrierten Tieres. (Deutsche Gesellschaft z. St. Osteuropas, 1929).

10. A. Samojloff. Ueber der Uebergang der Erregung von einer Zelle zur anderen (Deut. Gesellschaft z. St. Osteuropas, 1929).

11. Kisseleff. Die Reaktion des M. quadriceps bei gleichzeitiger Beugung der beiden hinteren Extremitäten der decerebrierten Katze. (Pflüger's Archiv 225 B., 1930).

12. А. Ф. Самойлов. Кольцевой ритм возбуждения. (Научное Слово № 2, 1930).

13. M. Kisseleff. Der Ringrhythmus an Nerv-Muskelpräparaten. (Pfl. Arch. 226 B., 1930).

14. A. Samojloff. Über die reflektorische Plastizität des Muskels beim decerebrierten Tier. (Pflüger's Arch. 225 B., 1930).

Механицизм и идеализм в философских работах проф. А. Ф. Самойлова ¹⁾.

Приват-доцента Н. В. Пучкова.

Есть люди, которые своей фигурой, направлением своего творчества бывают характерны для той или иной эпохи в истории науки. В них как бы в кристаллизованном виде соединяются достижения и успехи науки в данный период и они же заключают в себе и все недостатки и заблуждения своего времени. Такими фигурами обычно бывают крупные люди и крупные имена, оставившие след в области науки. Несомненно к таким людям относится и покойный А. Ф. Самойлов.

Когда открываешь страницы его первых экспериментальных работ, невольно переносишься к блестящей эпохе, связанной с именами Гельмгольца и К. Бернара, Дю-Буа-Реймона и Сеченова. То была эпоха, когда молодая буржуазия, сбросившая в большинстве европейских стран феодальные путы, обусловила небывалый до того времени подъем производительных сил. Потребности в естествознании возросли в колоссальной степени—неудивительно, что рост естествознания в XIX столетии можно уподобить взрыву.

Почти все естествоиспытатели этого периода были так или иначе материалистами. Этот материализм, возросший на основе французской философии XVIII столетия, неизбежно был механистическим. Но скоро разросшееся познание природы, сковавшее тысячами связей различные области науки, поставило вопрос об едином методе в науке, об едином общем естественно-научном мировоззрении. Буржуазное общество заключает в себе двойственную природу. С одной стороны, оно произвело небывалый до его существования подъем производительных сил и расцвет науки, с другой стороны—оно роет себе могилу, порождая в своем росте противоречия, ведущие его к гибели. Последняя тенденция по мере развития все более преобладает. Эти обстоятельства заставляют своеобразно преломляться в головах буржуазных естествоиспытателей внешний мир и толкали, и толкают их на путь шатания между идеализмом и материализмом. Иногда же прямо ввергает в идеалистические объятия религии и суеверий, вплоть до спиритизма. Поэтому вполне понятно, что мы видим

¹⁾ Сознвая некоторую схематичность настоящей статьи, порожденную специальными условиями сборника, автор оставляет за собой возможность обратиться к затронутым вопросам в более подробной форме в последующих работах.

значительное развитие среди буржуазных ученых начала XX века идей Маха и Авенариуса, в самой беспринципной каше пытавшихся примирить материализм с идеализмом.

Расцвет работы А. Ф. Самойлова принадлежит именно к последнему периоду, и хотя в его экспериментальных работах еще чувствуется влияние его учителей, как например, в работах по органам чувств и центральной нервной системе—влияние Гельмгольца и Сеченова, в области электро-физиологии, которую покойный А. Ф. так успешно разрабатывал—Дю-Буа-Реймона, однако его близкие связи с западно-европейской наукой, в частности с такими именами как Магнус, Эйнтговен, Леб, обусловили то, что в его философских работах нашли место, как мы это дальше покажем, настроения значительно позднейшего периода.

Фигура А. Ф. особенно примечательна тем, что у него имелась определенная склонность осмыслить процессы окружающего мира, подойти к ним философски.

Одну из наиболее ярких его статей философского направления представляет доклад, сделанный в 1925 году в Казанском кружке врачей материалистов диалектиков. Эта речь носит название: „Диалектика природы и естествознание“, здесь главным образом, подвергнута критике незадолго до того вышедшая книга Ф. Энгельса „Диалектика природы“.

„Естествоиспытатели“, говорит проф. Самойлов, „не образуют какой-либо касты, объединения, члены которого связаны каким-нибудь определенным философским мировоззрением“. „Но фатальным является здесь то обстоятельство, что метод современного естествознания гонит натуралиста стихийно в сторону механистического материализма. Научившись и привыкнув отгадываться для объяснения сложного к более простым отношениям, научившись сводить более сложные явления к более простым, он стихийно приходит к мысли о том, что все явления могут быть сведены к более простому феномену, к движению материальной точки в пространстве и во времени. Методы мировоззрения натуралистов органически взаимно связаны, и естествоиспытатели, не сговариваясь на этот счет, в общей массе, в подавляющем большинстве исповедуют механистический взгляд на все явления мертвой и живой природы“.

Таким образом из этих слов мы видим, что проф. Самойлов утверждает, что современное естествознание стихийно гонит ученых к механизму. Однако, это не так. Не имея ясного руководящего синтетического метода, буржуазные естествоиспытатели топчутся на одном месте, будучи не в силах систематизировать в одно целое огромное количество имеющегося в наличии эмпирического материала. Этим обусловлено в значительной степени состояние т. наз. кризисов в науке. Достаточно указать хотя бы на теперешнее состояние эндокринологии, „перманентный“ кризис физики и проч. Механистический метод, достаточно еще сильный в первые времена развития науки, когда и сама наука представляла нечто раздробленное, в настоящее время уже не удовлетворяет современных исследователей. Только ощупью и с большим трудом, бессознательно применяя диалектику, часто весьма половинчато, современное естествознание выходит на настоящую дорогу.

Что же касается сведения всех явлений к движению материальной точки в пространстве и во времени, то здесь уместно будет привести

следующие слова Энгельса: „Материя, как таковая, это—чистое создание мысли и абстракция. Подводя вещи, рассматриваемые нами как телесно существующие, под понятие материи, мы отвлекаемся от всех качественных различий в них. Поэтому материя как таковая, в отличие от определенных существующих материй, не является чем-то чувственно существующим. Естествознание, стремящееся отыскать единую материю, как таковую, стремящееся свести качественное различие к чисто количественным различиям состава тождественных мельчайших частиц, поступает так, как оно поступало бы, если бы вместо вишен, груш, яблок оно искало плод как таковой, вместо кошек, собак, овец и т. д. искало млекопитающее, как таковое, химическое соединение как таковое, металл как таковой, камень как таковой, движение как таковое“.

В реально-существующей природе тождественных частиц мы не знаем. В самом деле, если мы даже возьмем простейшие составные части материи, которые мы знаем, электроны, то и здесь мы не имеем их тождества, так как существуют положительные и отрицательные электроны и т. д. И кроме того, как бы мы ни старались объяснить высшие формы движения из низших, мы никогда, например, движением электрона не сможем объяснить такие вещи, как отличие условного рефлекса от безусловного или Дарвиновскую борьбу за существование, и вполне понятно, что для механиста явление целостного человеческого сознания, например, является „ignorabimus“.

Это до известной степени понимает, видимо, и сам проф. Самойлов, когда говорит: „Таким же образом и наше гипотетическое сведение рефлекса к законам механики не вскрыло бы всего содержания учения о рефлексе“, но видно, что несводимость, специфичность этого движения, как высшей формы движения материи, ускользает от самого А. Ф.

Проф. Самойлов требует исключительно физико-химического анализа физиологических явлений, но возможно ли, понять например, с физико-химической точки зрения преимущества появления сложно организованного дыхательного центра у высших животных, его преимущество в борьбе за существование и т. д. Разложить акт дыхания на составные части, как это делает проф. Самойлов, не значит еще понять его во всей сложности его взаимоотношений.

Безусловно, диалектическое понимание явлений не отрицает значения и физико-химических исследований организма, оно не думает, что мы не должны заниматься исследованием организма в этом разрезе. Как говорит Гегель: „Мы все же, с другой стороны, должны определенно требовать для механизма право и значение всеобщей логической категории, и его применение согласно с этим отнюдь не должно быть ограничено пределами той области природы, от которой эта категория получила свое название. Ничего, следовательно, нельзя возражать против того, что и вне области механики в собственном смысле, как, например, в физике и физиологии, обращается внимание на механические действия (например, на действие силы тяжести, рычага и т. д.), не следует только при этом упускать из виду, что в этих областях законы механики уже не играют решающей роли, а занимают, так сказать, подчиненное положение¹⁾“.

¹⁾ Гегель. Логика: Энциклопедия филос. наук, ч. I, 1930.

Другое возражение проф. Самойлова, касающееся объективности качеств, формулируется им таким образом: „Наше понимание природы основано на наличии у нас нескольких органов чувств, которые приспособлены к определенному раздражению. В природе нет ни звука, ни света, ни аромата и т. д., имеются только определенные формы движения, которые мы улавливаем нашим слуховым, зрительным, обонятельным и другими аппаратами. Если бы у нас не было слухового аппарата, то не было бы и ощущения слуха. Если летит камень и разбивает стекло, то мы слышим звук. То, что здесь имеет место, можно в диалектических терминах представить как переход механического движения „перемещения тела“ в форму движения нового качества, с появлением звука. Но в сущности мы имеем здесь перед собой не появление нового качества, а смену органов чувств, вовлеченных в исследование указанного явления. Раньше мы видели зрительным аппаратом движение камня, а затем восприняли слуховым аппаратом колебательное движение материи. Если бы у нас не существовало слухового аппарата, то мы не говорили бы в данном случае о новом качестве, а говорили бы только о колебательных движениях эластических тел и изучали бы их не при помощи слухового аппарата, а при помощи других органов чувств“.

Далее проф. Самойлов приводит такой пример: если бы мы, говорит он, взяли заряженное электричеством тело и стали его колебать, постепенно ускоряя, мы получили бы сначала тепловые волны, затем световые, потом химические и, наконец, рентгеновские. Наблюдая их, мы получаем как будто целый ряд качеств, но на самом деле здесь мы имеем лишь изменение частоты колебаний. Стало быть, в последнем случае проф. Самойлов полагает, что здесь мы воспринимаем качественно лишь благодаря наличию у нас различных органов чувств, а на самом деле имеем раздражение, отличающееся одно от другого лишь по частоте (resp. количеству) колебаний. Здесь, очевидно, имеется недоразумение, ибо несомненно, что различные длины волн имеют и структурное различие и, стало быть, качественно отличаются одни от других. Эти различия существуют реально, независимо от наших органов чувств. Этого как будто не отрицает и проф. Самойлов. Отсюда мы должны заключить, что и качество, воспринимаемое в этих случаях нами, существует также независимо от нас—объективно. Но можно думать, что проф. Самойлов не утверждает здесь относительно субъективности всех качеств вообще, он лишь путает вопрос об взаимоотношении субъективного восприятия качества к объективным качествам, существующим в природе. Так к выше приведенным словам он добавляет „но, конечно, имеется большое число явлений, где утверждение о переходе количества в качество не связано с указанным обстоятельством“.

Однако, надобно сказать, что тенденция объяснить реально существующие категории структурой органов чувств, гораздо более резко выявилась в его позднейшей статье о Сеченове и роли мышцы в познании природы, где она уже приобретает более универсальный характер. На последнем мы остановимся несколько позднее.

Таким образом, иногда, как будто, и сам близко подходя и даже соглашаясь с диалектическим методом, проф. Самойлов все же не понимает его. Основной грех проф. Самойлова заключается в том, что он не может понять диалектики материалистически. Для него диалектика

вовсе не процесс движения конкретного вещества, вовсе не сама жизнь во всем ее многообразии, тысячами граней переливающаяся в своем бесконечном движении, а, повидимому, просто схема, прикладываемая к явлениям, как шаблон. В самом деле, проф. Самойлов полагает, что „наиболее характерная сторона диалектического процесса заключается в том, что определяемые им процессы логического мышления, равно как процессы движения во внешнем мире, суть две стороны одного и того же диалектически-текущего феномена. Оттачивая и уточняя характерные черты диалектического мышления, мы легче и глубже охватываем особенности диалектических процессов во внешней природе, а это изучение, в свою очередь, знакомя нас с диалектикой природы, развивает тем самым наше мышление в диалектическом направлении. Таким образом, здесь методы содержания изучаемого им объекта проникают друг в друга, усиливают друг друга, составляя в сущности одно целое. В этом и должна заключаться вся сила диалектического материализма“.

Таким образом, по проф. Самойлову, мы имеем два как будто совершенно независимых процесса, один в нашей голове, другой в природе, и наша задача, стало быть, приложить наши схемы к науке, и тогда методы содержания изучаемого им объекта проникнут и усилят друг друга.

Из непонимания проф. Самойловым диалектического материализма вытекают и дальнейшие его ошибки: Он согласен, что предсказания Маркса, применившего впервые диалектический метод к политической экономии, осуществилось в СССР, а поэтому вполне естественно мы живем в атмосфере марксизма. А вот для естествознания метод этот, по проф. Самойлову, является, пожалуй, и излишним. Здесь мы имеем высший метод—эксперимент, который является „высшим суперарбитром“.

В последнем проф. Самойлов упустил из виду одно существенное обстоятельство: ведь современное естествознание вовсе не работает по способу старых алхимиков, соединяя в колбах кровь собаки с экскрементами и смотря, что из этого выйдет. Для того, чтобы из эксперимента что-либо получилось, нужно еще суметь правильно задать вопрос. Великие естествоиспытатели как раз тем и отличались, что умели поставить вопрос так, что природа невольно на него отвечала. А для того, чтобы поставить вопрос правильно, нужно, конечно, иметь и правильное представление об окружающем мире и формах его движения, т. е. понять его диалектически.

В какой тупик завело естествоиспытателей отсутствие диалектического понимания процессов природы, представляют великолепный образец целые области естествознания, находящиеся в состоянии перманентного кризиса.

Энгельс говорит: „Так называемая объективная диалектика царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей, которые и обуславливают жизнь природы своими постоянными противоречиями и своим конечным переходом друг в друга, либо в высшие формы“.

Естествоиспытатели часто приходят к правильному методу стихийно, но это не значит, что о тех „методических категориях, которые применяются бессознательно можно не хлопотать, как это полагает проф. Са-

мойлов. Нет никакого противоречия в том, что способность к теоретическому мышлению должна быть развита и усовершенствована.

„Презрение к диалектике не остается безнаказанным. Сколько бы ни выказывать пренебрежения ко всякому теоретическому мышлению, все же без последнего невозможно связать между собою любых двух естественных фактов или же уразуметь существующую между ними связь. При этом важно только одно: мыслят ли правильно или нет,—и пренебрежение к теории является, само собою разумеется, самым надежным способом мыслить натуралистически и, значит, неверно. Но неверное мышление, доведенное до конца, приводит неизбежно, по давно известному диалектическому закону к противоречию, со своим исходным пунктом. И, таким образом, эмпирическое презрение к диалектике наказывается тем, что некоторые из самых трезвых эмпириков становятся жертвами самого дикого из всех суеверий— современного спиритизма“ (Энгельс. Диалектика природы).

Эти строки из Энгельса бьют не в бровь, а прямо в глаз. Если взять дальнейшие работы проф. Самойлова, например его статью „Сеченов и роль мышцы в познании природы“, то мы увидим, как бессознательно проф. Самойлов, желая оставаться последовательным материалистом и стоя на механистических позициях, неизбежно скатывается в вопросах познания к позициям Маха и Авенариуса. К Маху, о котором еще Ленин сказал, что он „показывает по всей линии гносеологических вопросов сплошную реакционность, прикрывающего новыми вывертами, словечками и ухищрениями старые ошибки идеализма и агностицизма“¹⁾.

Полностью последняя работа проф. Самойлова озаглавлена так: „И. М. Сеченов и его мысли о роли мышцы в нашем познании природы“. Как известно, подобно большинству западно-европейских ученых того времени, Сеченов был последовательным механистом. Но, на самом деле, эта статья не ограничивается изложением воззрений Сеченова, проф. Самойлов идет в ней гораздо дальше, он пытается здесь развить и обосновать свое механистическое мировоззрение, которое он проводил в прежних статьях. Статья снабжена кратким редакторским предисловием, где говорится следующее: „Статья А. Ф. Самойлова освещает одну интересную деталь в системе научных воззрений великого русского физиолога И. М. Сеченова, относящуюся к области нервно-мышечной физиологии. Наряду с этим автор дает общую характеристику методологии И. М. Сеченова, усматривая в нем последовательного материалиста, сторонника механистических воззрений на природу. В лице И. М. Сеченова мы действительно имеем ученого, который не только занимался разработкой узких эмпирических вопросов физиологии, но и крупного мыслителя, державшего вставать на путь широких теоретических и философских обобщений. В этом направлении на него оказали значительное влияние такие видные представители науки XIX века, как Гельмгольц и Спенсер. В силу этого великий юбилей иногда разделял ошибочные воззрения этих ученых. А. Ф. Самойлов в своей общей характеристике опускает критическую часть и наоборот выставляет в положительном свете механистическую методологию И. М. Сече-

¹⁾ Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. 1925, стр. 280.

нова, становясь тем самым защитником ее. Лишь только в одном месте своей статьи автор вскользь бросает замечания, что механистические воззрения на природу не состоятельны, и мы должны пересмотреть законность нашего устремления к механистическому мировоззрению“.

Разберем положения проф. Самойлова по порядку. Прежде всего он повторяет свои механистические утверждения, высказанные им и раньше. Например, „Животное снабжено аппаратами, улавливающими влияния внешней среды, и аппаратами, которыми оно воздействует на внешнюю среду. Вся совокупность разыгрывающихся на этой почве процессов можно представить себе как сумму безусловных и условных рефлексов“ и т. д. Хотя эти примеры упоминаются лишь вскользь, остановимся на них в нескольких словах в связи с предыдущим. Едва ли можно, как думает проф. Самойлов, всю высшую нервную деятельность животного представлять как сумму условных и безусловных рефлексов. Правда, мы теперь знаем с несомненностью, что деятельность центральной нервной системы протекает по типу рефлекса, т. е. путем непрерывного ответа на внешние и внутренние (из внутренней среды) раздражения. Однако, более или менее сложную деятельность, напр., хотя бы элементарную творческую способность, как она протекает у антропидов (Келер), мы не можем представить себе как сумму условных связей, изучаемых И. П. Павловым на собаке. В настоящий момент попытки изучить поведение не только человека, а даже и антропоморфных обезьян указывают на недостаточность методики условных рефлексов для понимания их деятельности. Отсюда возникла так называемая теория целостности и т. д.

Но эти примеры проф. Самойлова служат лишь предисловием. Далее проф. Самойлов излагает взгляды Сеченова на пути проникновения в человеческое мышление представлений о пространстве и времени: „Главным органом, благодаря которому доходят до сознания пространственные впечатления, Сеченов считает мышечное чувство. В простейшей форме верхняя конечность есть хватательное и осязающее орудие и это орудие, складывающееся и сгибающееся в своих сочленениях и вследствие этого способное схватывать различные отстоящие от тела предметы, является истинным „щупалом“. Подобному же „щупалу“ можно уподобить глаз с его зрительными осями. По представлению Сеченова наши зрительные оси—это щупальцы, которые как бы выталкиваются из глаз к рассматриваемой точке и по мере ее удаления или приближения от нас могут удлиняться и укорачиваться. Таким образом из ощущений мышечного чувства мышц глаза возникает наше пространственное представление путем зрения“. Затем приводятся слова Сеченова: „В этом лежит, я думаю, главная причина, почему из всех мировых явлений движение представляется нам наиболее простым и удобопонятным; почему наука о внешнем мире стремится все явления к движению, и почему физик, получив такую возможность в отношении какого-нибудь частного случая, считает его решенным даже тогда, если объяснительное движение по его быстроте недоступно нашему чувству. Разгадка последнего лежит в том, что внечувственные движения физиков составляют в сущности лишь количественные видоизменения форм, доступных чувству, познание же последних не условное, а прямое, идущее в корень. Самойлов далее делает примечание: „В приведенном

отрывке дается глубочайшая мысль: на почве физиологических данных объясняется причина господства в естествознании механического понимания природы“.

„Нетрудно дальше усмотреть“ — говорит Самойлов, продолжая излагать Сеченова „что если наши пространственные представления основаны на свойствах мышц, как сократительном органе, т. е. органе, приходящем в движение, то и наши представления о времени должны, очевидно, тоже иметь свой корень в функции мышцы, ибо всякое движение протекает во времени“. Свое положение о происхождении механистического мировоззрения из особенностей восприятия человеческими органами чувств пространства и времени проф. Самойлов подчеркивает много раз на протяжении своей статьи. „В этом и заключается причина того, что единственно понятной нам формой явлений кажется движение и его элемент в виде материальной точки, движущейся в пространстве и во времени. В этом кроется причина, почему мы стремимся свести все явления на явление движения материальной точки и почему это явление до последнего времени считалось пределом нашей познавательной способности, пределом, который ставит нам наша организация“.

Но цитат уже достаточно, чтобы понять, куда здесь идет проф. Самойлов. То, что Сеченов пытается понять, какими путями проникает в наше сознание из внешнего мира понятие о пространстве и времени, это закономерно и вполне естественно. Но так ли понимает вопрос проф. Самойлов? В самом деле, припомним, что он говорит о нереальности качества, о зависимости восприятия качества от органов чувств. Тогда мы поймем и следующие дальнейшие его выводы: „Если движение материальной точки во времени и пространстве представляется нам наиболее простым и элементарным явлением только потому, что это навечно нам нашей организацией, то именно поэтому мы должны пересмотреть законность нашего стремления к механистическому мировоззрению“.

„Первоначально физик группировал все явления природы по рубрикам соответственных чувственных ощущений. Этот специфический чувственный элемент мало-по-малу вытесняется из физики. Так, например, теплота прежде трактовалась, как часть физики, рассматривающая явления, связанные с тепловыми ощущениями. В настоящее время роль теплового ощущения низведена до нуля в вопросах физики и тепла. Одна часть учения о теплоте, именно лучистая теплота, перешла в отдел оптики и вместе с последней в электродинамику, другая часть перешла в механику. Акустика слилась с учением о колебании эластических тел“.

„Но преодоление чувственного элемента в физике идет значительно дальше. Атом нельзя больше представлять, как движущуюся в пространстве и времени точку материи“, и далее цитата из Бора: „Наши человеческие пути мышления связаны накрепко с нашими интуициями о пространстве и времени, а между тем возможно, что активность атома протекает не в том, что мы называем пространством и временем“.

Таким образом вот конечный итог: пространство и время есть субъективные качества.

Что же мы знаем по Самойлову о мире? Движение материальной точки? Но так как она движется в пространстве и времени, которые в свою очередь лишь субъективные особенности нашего восприятия, а не существуют объективно, то мы и этого стало быть не знаем. В ре-

зультате получается, что мы знаем лишь, что ничего не знаем. Или вернее мы не знаем ничего, кроме наших субъективных чувств. Таким образом,—мир есть мое ощущение. А это—чистейший идеализм.

Вот к какому выводу приходит проф. Самойлов, который хотел быть последовательным механистическим материалистом и пытался отмежеваться от диалектического материализма, „вышедшего из идеалистической обители“.

В своей статье проф. Самойлов устанавливает близость по мировоззрению Сеченова и Гельмгольца. „Мне представляется, что облик Гельмгольца-физиолога, Гельмгольца-философа и облик И. М. Сеченова близки, родственны друг другу и по характеру круга мыслей их привлекавших и захватывавших, и по умению утверждать свою позицию трезвого естествоиспытателя в областях, где царила дотоле спекуляция философов“. И на самом деле, несомненно, Сеченов является близким по духу Гельмгольцу. О Гельмгольце же В. И. Ленин в своей книге „Материализм и эмпириокритицизм“ говорит: „Гельмгольц был непоследовательным кантианцем, то признававшим априорные законы мысли, то склонявшимся к „трансцендентальной реальности“ времени и пространства (т. е. к материалистическому взгляду на них), то выводившим ощущение человека из внешних предметов, действующих на наши органы чувств, то объявлявшим ощущение только символами, т. е. какими-то произвольными обозначениями, оторванными от совершенно различного „мира обозначаемых вещей“.

Несомненно А. Ф. Самойлов был истинным продолжателем и ценителем Гельмгольца и Сеченова, но также несомненно, что в своем уклоне к идеализму он пошел значительно дальше их. Путь проф. Самойлова не нов. Еще в конце прошедшего века Мах писал: „Пространство и время суть упорядоченные системы рядов ощущений“, т. е. то же самое, что и проф. Самойлов.

„Это—говорит Ленин—явная идеалистическая бессмыслица, неизбежно вытекающая из учения, что тела суть комплексы ощущений. Не человек со своими ощущениями существует в пространстве и времени, а пространство и время существуют в человеке, зависят от человека, порождаются человеком—вот что выходит у Маха (и прибавим от себя у проф. Самойлова). Он строит гносеологическую теорию времени и пространства на принципе релятивизма—и только. Ни к чему иному, кроме субъективного идеализма, такая постройка, по сути дела, привести не может“. Эти слова, сказанные Лениным о Махе, мы можем отнести целиком и к проф. Самойлову.

„Пространство и время,—говорит Фейербах,—не простые формы явлений, а коренные условия... бытия“. Признавая объективной реальностью тот чувственный мир, который мы познаем через ощущение, Фейербах естественно отвергает и феноменалистское, как сказал бы Мах про себя (или агностическое, как выражается Энгельс) понимание пространства и времени: как вещи или тела—не простые явления, не комплексы ощущений, а объективные реальности, действующие на наши чувства, так и пространство и время—не простые формы явлений, а объективно реальные формы бытия. В мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени. Человеческие представления о пространстве

и времени относительно, но из этих относительных представлений складывается абсолютная истина, эти относительные представления, развиваясь, идут по линии абсолютной истины, приближаются к ней. Изменчивость человеческих представлений о пространстве и времени также мало опровергает объективную реальность того и другого, как изменчивость научных знаний о строении и формах движения материи не опровергает объективной реальности и внешнего мира“ (Ленин).

От механистического материализма через физиологическую субъективность к идеализму вот путь проф. Самойлова. Такова трагедия механиста, желавшего быть последовательным. Курьезно звучит предисловие к разобранной статье от редакции журнала, которое мы привели выше целиком и в котором редакция полагает, что проф. Самойлов делает шаг вперед, сомневаясь в механистическом мировоззрении. Если проф. Самойлов и проделал путь от механизма, то совсем в другую сторону, чем полагает редакция.

Мы ни в коем случае не можем также солидаризироваться и с оптимизмом тов. Генеса, заключившего свою статью „Самойлов как философ“¹⁾ мнением, что проф. Самойлов в настоящее время вместе с ним выступил бы с критикой своего доклада 1925 года. Если у проф. Самойлова и были сдвиги, то ему пришлось бы проделать еще долгий тяжкий путь приближения к диалектическому материализму. Этот путь он и должен бы был проделать, если был искренен²⁾, когда говорил: „Естествоиспытатель прежде всего не упрям“. „Докажите на деле, что диалектический метод ведет скорее к цели, завтра же не найдете ни одного естествоиспытателя недиалектика“.

Мы начали свою статью, указав на проф. А. Ф. Самойлова, как на характерную фигуру. Путь, проделанный проф. Самойловым, есть путь очень многих буржуазных натуралистов. Естествоиспытатели-механисты, отрицая объективные качества окружающего нас мира, стремясь свести все явления лишь к движению материальной точки в пространстве и времени, неизбежно приходят к субъективному идеализму. В самом деле, как же объяснить с точки зрения механиста несомненное разнообразие внешней природы? Не иначе, как субъективными особенностями воспринимающего аппарата. Ведь другого пути нет! А отсюда, как мы видим на примере проф. Самойлова, идя далее весьма логично усомниться в реальности времени и пространства. Таким образом механистический материализм всегда и неизбежно впадает в своем развитии в собственную противоположность—идеализм. Нашей задачей должна быть борьба на эти оба фронта. Борьба против механицизма и неразрывно связанного с ним в конечном итоге идеалистического мировоззрения. Только правильное применение материалистической диалектики гарантирует естествоиспытателя от падения в объятия идеализма и даст мощное орудие для познания окружающего нас материального мира.

¹⁾ В чем мы не имеем повода сомневаться.

²⁾ Врачебное Дело № 21—22. 1930 г.